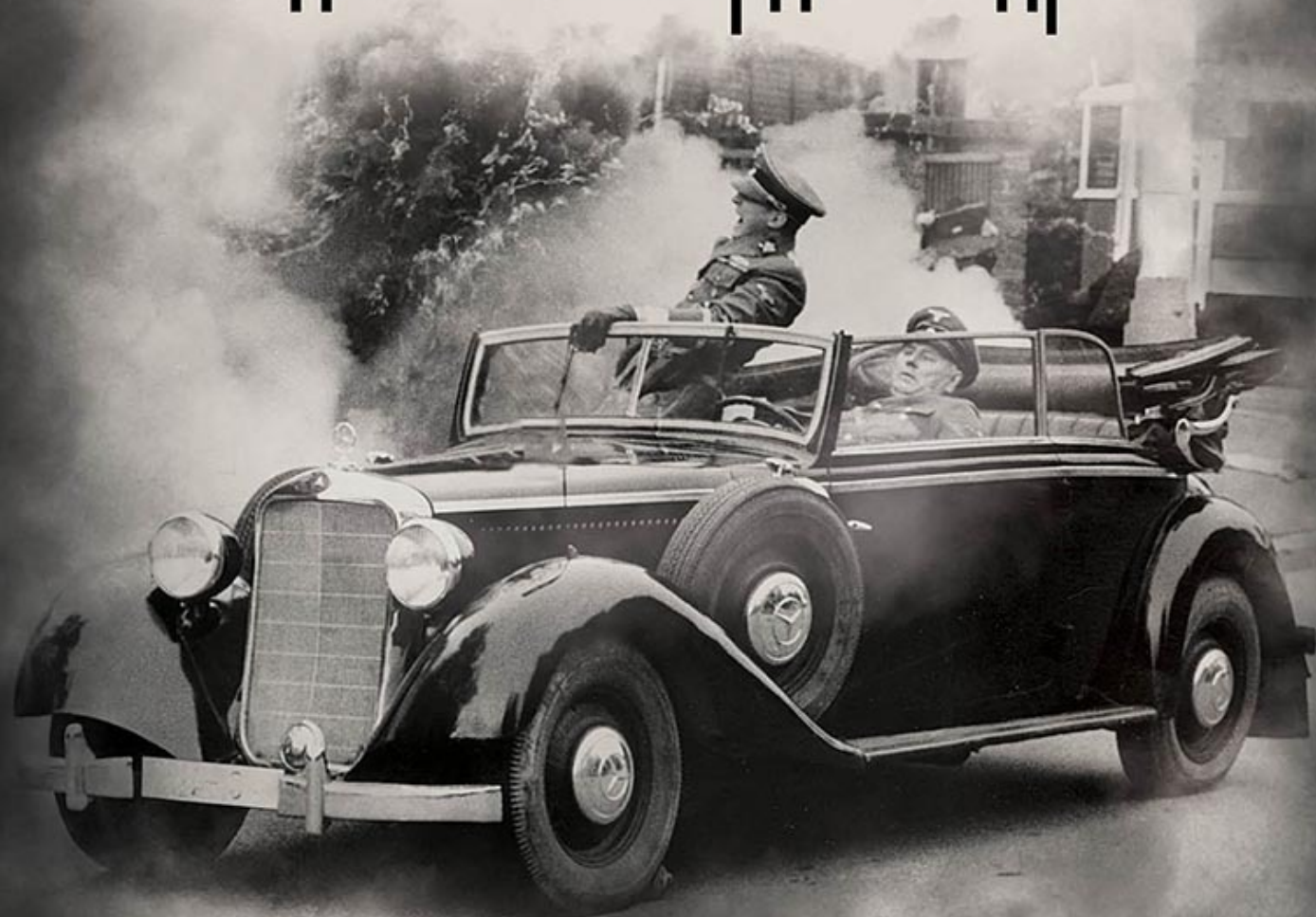

ДУШАН ГАМШИК ИРЖИ ПРАЖАК

БОМБА ДЛЯ ПАЛАЧА

100 дней Рейнхарда Гейдриха

Нюрнберг

Нюрнберг

Душан Гамшик

**Бомба для палача. 100
дней Рейнхарда Гейдриха**

«Алисторус»

2026

УДК 356.168
ББК 63.3(4Чея)42

Гамшик Д.

Бомба для палача. 100 дней Рейнхарда Гейдриха / Д. Гамшик — «Алисторус», 2026 — (Нюрнберг)

ISBN 978-5-00269-386-3

«Чехам выгоднее всего добросовестно работать, пусть даже они и питают тайную надежду, что если дела рейха пошатнутся, они снова получают свободу. Последнее нас не трогает. Мне нужно, чтобы чешский рабочий в полной мере участвовал в военных усилиях Германии...» Такую программу 2 октября 1941 года озвучил новый гитлеровский наместник в Праге и глава спецслужб Третьего рейха обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих. Эта политика немедленно вызвала беспокойство у лондонских аналитиков. Чехию следовало поджечь. И менее месяца спустя военная разведка марионеточного чехословацкого правительства в Лондоне получила приказ начать серию актов террора против верхушки немецкой оккупационной администрации. Подготовленные в Англии чешские диверсанты ценой жизни выполнили задание. 27 мая 1942 года автомобиль Гейдриха был подорван на улицах Пражского Града. Эта единственная успешная акция значительно подняла авторитет эмигрантского правительства в глазах англичан... Чехам же, оставшимся на родине, пришлось сполна испытать жестокость немецких карательных операций. Именно тогда были уничтожены деревни Лидице и Лежаки, количество казненных и сгинувших в концлагерях чехов исчислялось тысячами. В этой книге читатель увидит и трагическую картину истерзанной фашистами Чехословакии, и авантюризм эмигрантского правительства в Лондоне, и беззаветный героизм борцов антифашистского подполья. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 356.168
ББК 63.3(4Чея)42

ISBN 978-5-00269-386-3

© Гамшик Д., 2026

© Алисторус, 2026

Содержание

От авторов	7
От морского кадета до рейхспротектора	8
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Душан Гамшик, Иржи Пражак
Бомба для палача. 100
дней Рейнхарда Гейдриха

© Гамшик Д., 2026

© Пражак И., 2026

© Бернштейн И. А., перевод, наследники, 2026

© Лерер-Баша Л. И., перевод, наследники, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

От авторов

События, которые предшествовали взрыву бомбы, убившей Гейдриха, и те, которые последовали за ним, привлекали и будут привлекать внимание не только политиков и историков. Их по сей день стремятся осмыслить также и поэты, и прозаики, в общем, все те, кто хочет постичь волнующую атмосферу того времени, видя в этом отправную точку для понимания событий грядущего.

Перед нами открывалась возможность писать, подобно другим литераторам, взволнованные страницы о героизме и предательстве, о мрачных злодеяниях и светлом и чистом патриотизме, о трагедиях и о человеческом мужестве, но мы отдали предпочтение строгой разработке фактов, близкой репортажу. Мы руководствовались при этом советами Эгона Эрвина Киша: «Никогда не составить из собственных впечатлений, полученных на месте действия, из собранных показаний участников или свидетелей, из высказанных предположений полного, не имеющего пробелов представления о том или ином событии. Репортер должен сам создать модель этого события, должен сам навести мосты от одного его этапа к другому и заботиться лишь о том, чтобы линия его домысла исходила только из фактов, которые ему хорошо известны».

Мы ничего не прибавляли, мы только отбирали, объясняли и заостряли факты. Если что-либо было нам недостаточно ясно, мы искали новые факты, документы, свидетельства. Мы заботились о том, чтоб нигде не нарушить границ достоверности.

Разве этого мало?

Ведь документальная правда, которая послужила нам исходной позицией, выглядит порой фантастичнее самого фантастического вымысла, и читателям предоставляются две возможности: либо верить рассказанному, либо нет. Мы всегда отдавали предпочтение языку документа, пусть сухому, шершавому, и делали это только для того, чтобы постараться избежать второй возможности.

* * *

В работе использованы материалы из архивных фондов Министерства внутренних дел и Министерства юстиции ЧССР, Военно-исторического института в Праге и воспоминания участников описываемых событий, а также некоторые литературные источники.

От морского кадета до рейхспротектора

Задолго до того как Адольф Эйхман – один из крупнейших преступников Третьего рейха – был похищен при весьма романтических обстоятельствах группой израильских офицеров-разведчиков и предстал перед иерусалимским судом, на его вилле в предместье аргентинской столицы Буэнос-Айрес побывали два человека: бывший сотрудник гитлеровской разведки австриец д-р Лангер и голландский журналист А. Сассен, в прошлом доброволец СС. Много часов и дней провели они здесь, беседуя с Эйхманом, который, никем не опознанный, тихо и скромно жил в своем уютном убежище. Хозяин виллы говорил тогда отнюдь не так, как позднее перед судом, где он всячески пытался отвертеться, свалить ответственность за совершенное им на других либо сделать вид, что ничего не помнит. В то время – это было в 1957 г. – он чувствовал себя среди своих и говорил обо всем откровенно. Запись этих бесед, сделанная Лангером и Сассеном, знакомит нас с некоторыми откровенными признаниями Эйхмана. Вот что он ответил после довольно долгого раздумья на такой вопрос:

«Лангер. Если бы вы ныне участвовали в судебном процессе, предметом разбирательства которого были бы занимающие нас проблемы, и если бы на этом процессе вы выступали как обвинитель, кого бы вы привлекли к ответственности за содеянное и в каком порядке?»

Эйхман.

1. Адольфа Гитлера.

2. Рейхсфюрера Гиммлера.

3. Начальника полиции безопасности и службы безопасности...»

Заметим: под номером третьим Эйхман назвал лишь должность, но не имя.

Быть может, по многолетней привычке? Ведь шефа полиции безопасности и службы безопасности, начальника секретных и «невидимых» организаций, действующих тайно, предпочитали никогда не называть (это правило соблюдали даже высшие должностные лица при общении друг с другом). А может, Эйхман, один из его подчиненных, припомнил те минуты, когда стоял перед своим высоким начальством и вынужден был отвечать на очень неприятные для него вопросы?

Имя этого военного преступника № 3 ныне известно всему миру. Это Рейнхард Гейдрих.

Американский журналист и публицист Джон Гантер, собиравший в 1934 г. в Германии материал для своей книги «Европа как она есть», проявил исключительную наблюдательность, заметив находившуюся в то время на заднем плане таинственную личность шефа особой секретной службы нацистской партии, который как раз в это время делал первые шаги своей головокружительной карьеры. «За Гиммлером стоит фигура еще более мрачная, – писал Гантер, – бывший морской офицер, группенфюрер СС Гейдрих. Иногда говорят, что Гиммлер – только „ширма“ для этого во многом более жестокого и опасного человека».

Бывший руководитель иностранного отдела осведомительной службы Вальтер Шелленберг, много лет находившийся в подчинении у Гейдриха, а позднее возглавивший гитлеровскую службу шпионажа, характеризовал Гейдриха как скрытую ось, вокруг которой вращался нацистский режим. Шелленберг подчеркивал, что Гейдрих высоко вознесся над своими политическими коллегами и контролировал их так же, как разветвленную сеть разведывательной и полицейской службы Третьего рейха. «Это был один из лучших национал-социалистов, один из убежденнейших поборников германской имперской идеи, гроза всех врагов нашего рейха», – говорил в 1942 г. Адольф Гитлер.

Подобные суждения могут показаться пристрастными и преувеличенными. Но в таком случае нельзя не заинтересоваться вопросом: как случилось, что этот совершенно заурядный

человек, не выделявшийся ни своими способностями, ни образованием, мог стать одной из самых всемогущих личностей одного из самых могущественных государств нашего времени? Как случилось, что ему было дано право вершить судьбы и жизнью людей, которые во всех отношениях стояли значительно выше его, вершить судьбы и жизнью целых народов?

Немецкий оперный певец, композитор и педагог по вокалу Бруно Гейдрих – отец Рейнхарда Гейдриха.

Казалось, ничто не предвещало Гейдриху особых успехов на его жизненном пути. Начало этого пути в общем было обычным, ничем не примечательным, и если бы Гейдрих мог тогда разглядеть его финал, он был бы крайне удивлен. Он родился в 1904 г. в Галле на Заале, то есть на Лужицкой земле¹ Германии. Многие его предки, очевидно, тоже были лужицкого происхождения, и где-то среди ветвей его родословного древа мелькнул даже далекий предок-еврей – обстоятельство, безусловно, совершенно второстепенное, однако в пору фанатического разгула расизма и антисемитизма переросшее в зловещий фактор. А вдруг это тщательно скрываемое Гейдрихом обстоятельство кто-то обнаружит, а вдруг этот «кто-то» окажется как раз его главным конкурентом и соперником, против которого уже нельзя будет действовать с привычной беспощадностью?

Семья Гейдриха жила вполне устроено. Юный Рейнхард, слишком юный для того, чтобы отправиться на поля сражений первой мировой войны, закончил гимназию. Единственное, чем выделялась эта семья, было ее традиционное увлечение музыкой. Гейдрихи устраивали популярные тогда в провинции музыкальные «полудни» и «вечера»; их ветхозаветную скуку можно сейчас испытать разве что только в Вене.

¹ Лужицкая земля – территория вдоль среднего течения реки Шпрее, коренным населением которой было славянское племя лужичан.

Гейдрих – кадет Рейхсмарине, 1922 г.

Юный Рейнхард восторженно предавался музыке. Он играл на фортепьяно, пел, но больше всего увлекался скрипкой. Это увлечение, хотя и в несколько измененном виде, он сохранил и в более поздние годы, что делало его личность в глазах многих еще более непонятной и загадочной.

Как сложилась бы судьба Гейдриха, если б она в определенный момент не переплелась с судьбой безудержных честолюбцев, влияние которых возрастало под действием непостижимых силовых полей в тогдашнем немецком обществе? Может, он стал бы известным скрипа-

чем? Может, был бы музыкантом средней руки и играл в каком-нибудь камерном ансамбле? А может, всю жизнь просидел бы за пюпитром в яме оркестра, скрытый от глаз публики?

Впрочем, заниматься музыкой в доказательство своих возвышенных чувств – пожалуй-ста! Но стать скрипачом, избрать себе профессию, от которой отдает чем-то комедиантским, с этим немецкие мелкие буржуа согласиться не могли. Они мечтали об офицерских погонах, воинской славе и геройских подвигах.

Подобные мечты, вероятно, и привели Гейдриха в 1922 г. в военно-морской флот. Будучи кадетом, он проходил службу на крейсере «Берлин». В положенное время был произведен в лейтенанты, а затем в обер-лейтенанты цур зее. Крейсером тогда командовал будущий адмирал Канарис. Он определенно нравился молодому офицеру своим показным благородством. Конечно, Гейдрих тогда еще и не подозревал, что Канарис, в то время уже вступивший на шпионскую стезю, в 1935 г. станет начальником абвера – военно-осведомительной и контрразведывательной службы, той самой, которая много лет буквально будет сидеть у Гейдриха в печенках.

Но пока Гейдрих – еще совсем молодой морской офицер, а Канарис – его «благородный» и «справедливый» начальник. Обер-лейтенант цур зее Рейнхард Гейдрих – это звучит вполне сносно. Стройный, высокого роста офицер занимается спортом, увлечен новомодным пятиборьем и особенно отличается в фехтовании. На вечеринках в офицерском казино он нередко вынимает из футляра свою скрипку и, к великому удовольствию подвыпившей компании, играет что-нибудь шаловливо-резвое, что должно расшевелить господ офицеров. Но еще охотнее исполняет Гейдрих что-нибудь чувствительное, что-нибудь сентиментальное, такое, от чего по иссеченным ветрами лицам морских волков текут слезы, а в огрубевших ладонях лопаются бокалы, и вино смешивается с кровью. Те же, кто еще держится на ногах, выбирают на улицу в поисках дам.

До капитана Гейдрих так и не дотянул. Наоборот, он стал человеком без звания, без мундира, ничего не стоящим «шпаком». Тот, кто знает, что значил тогда в Германии мундир – ведь без него многие казались не только ничтожными, но словно бы нагими, – тот может представить, какое страшное это было падение.

Причины и обстоятельства этого падения не вполне ясны. Известно, что в 1931 г. Гейдрих предстал перед судом чести рейхсмарине. Результатом судебного разбирательства было его разжалование и увольнение. Нацисты в панегирических биографиях Гейдриха называли это «уходом». Мы вполне согласны: слово «уволен» не украшает панегирическую биографию. Гейдриху удалось полностью скрыть свое тогдашнее прегрешение, о характере которого не знали даже самые доверенные его сотрудники. Правда, в некоторых источниках высказывались предположения, что начало карьеры будущего шефа нацистской службы безопасности ознаменовалось преступлением уголовного порядка. Однако это соблазнительное объяснение трудно отстаивать, – не забывайте, что дело его разбирал суд чести. Ближе к истине будут, вероятно, намеки кое-кого из ближайшего окружения Гейдриха. По их мнению, дело касалось какой-то истории с женщиной. Не то чтобы господа офицеры вели пуританский образ жизни и от них требовали соблюдения нравственности на грани самоотречения, нет, этого вовсе не было. С женщинами простого происхождения и невысокого положения они могли обращаться, как им заблагорассудится. Но к супругам себе равных и тем более высших чинов, к женщинам из высокопоставленного общества, к аристократкам они обязаны были относиться с рыцарской галантностью и исключительной учтивостью. Любовные интрижки и похождения были, разумеется, вполне обычны, но внешне все должно было создавать впечатление абсолютной безупречности. Нарушение этих правил грозило публичным скандалом, и каждому уличенному в такой провинности грозили тяжелые последствия, из которых самым тяжким было увольнение со службы.

То обстоятельство, что суд чести, не колеблясь, вынес преуспевающему офицеру свой самый суровый приговор, дает основание предполагать, как высоко, по-видимому, метил Гейдрих, как скандальны были его действия и какую немилость и гнев начальства он на себя навлек.

Изгнание из флота задело Гейдриха за живое, вызвало новый приступ честолюбия. Даже спустя много лет, когда он уже был генералом и всемогущим начальником, который мог по собственному произволу согнуть в бараний рог не только лейтенанта, но и человека более высокого звания, он не терпел ни малейшего намека на любой проступок против офицерской чести.

Вынужденный конец офицерской карьеры Гейдриха знаменовал переломный момент в его жизни. Как это ни парадоксально, но глубокое падение было началом его головокружительного взлета. Гейдрих, лишенный средств к существованию, опозоренный и деклассированный, соединяет свою судьбу с другими подобными ему личностями, которые вынырнули со дна тогдашнего общества, выброшенные болезненными судорогами социальных противоречий. Так возникает в высшей степени странный заговор неполноценных, уволенных, недозволенных, деклассированных.

Вот как выглядел сей перелом в жизни Гейдриха в передаче одного из самых компетентных лиц Третьего рейха – Генриха Гиммлера.

«Я узнал о Гейдрихе от одного из его приятелей, тогдашнего оберфюрера СС Эберштейна, и пригласил его в июле того же года (то есть 1931 г., когда он был уволен из морского флота. – Прим. авт.) вступить в охранные отряды (СС). Бывший обер-лейтенант Гейдрих вступил тогда на правах рядового члена в небольшой гамбургский отряд СС и служил там вместе со всеми теми храбрыми, в большинстве безработными парнями, которые прошли в этих отрядах азы своей охранной и пропагандистской службы на собраниях в многочисленных красных предместьях этого города. Вскоре я вызвал его в Мюнхен и доверил ему в имперском руководстве, тогда еще совсем узком, новые обязанности».

С бесповоротной решимостью соединил Рейнхард Гейдрих свою судьбу с нацистским движением и с его вооруженной гвардией – СС.

Было ему тогда 27 лет. Ничего собой не представляя, ничего не умея, он с трудом сводил концы с концами. Ему пришлось бы начинать все сызнова, с самого начала: кормиться трудом своих рук, да и то после мучительных поисков работы; он должен был бы учиться, получить образование, попытаться сколотить состояние. Что и говорить, задача не из легких. И вдруг – такая возможность, такая вдохновляющая и многообещающая! К тому же черная форма СС со скрещенными крестами и черепом на рукаве весьма привлекательна и элегантна.

Гейдрих, подобно многим другим, был одновременно и порождением и жертвой нацизма, но, будучи его порождением, он вместе с тем впоследствии стал, так сказать, и его «производителем». Он чутьем угадал новые возможности и, подталкиваемый уязвленным, а следовательно, жгучим честолюбием, ухватился за них со всем пылом, упорством и неистощимой энергией.

В остальном же с гитлеровским нацистским движением Гейдриха сближал только великогерманский национализм, усиленный чувством национальной ущемленности после «несправедливо» проигранной войны. Национализм, раздутый до чудовищных размеров; вера в превосходство и избранность германской нации, превозносимые до небес, требовали не только отомстить за прошлые обиды, но и навязать свое господство другим.

К прочим идеологическим догмам нацизма Гейдрих оставался полностью безучастным и знаком был с ними весьма поверхностно. Сомневаемся, прочитал ли он вообще когда-либо всю

«Майн кампф» Гитлера – эту библию нацизма. Его, человека действия, она должна была утормить своей растянутостью, многословием и непрерывным разжевыванием многократно повторяемых мыслей. Выступления Гейдриха, поскольку они вообще касались вопросов нацистской идеологии, отличались туманностью и тусклостью.

Зато ему, разумеется, пришелся по душе «фюрерпринцип» – принцип вождизма, который особенно превозносился уставом и практикой СС.

«Ein Volk, ein Reich, ein Führer!» – «Один народ, один Рейх, один фюрер!»

«Der Führermachtes!» – «Фюрер действует!»

«Der Führerschafftes!» – «Фюрер творит!»

«Der Führerdenkt für uns alle!» – «Фюрер думает за всех нас!»

Принцип вождизма был крайне необходим нацистам. Он был рассчитан на тот тип людей, которые охотно и беспрекословно готовы выполнять любые приказы свыше. Самостоятельному мышлению отводились свои, точно определенные границы: как лучше выполнять то, что приказывает фюрер.

В организации СС «фюрерпринцип» был возведен в непреложный закон. Требовалось абсолютное повиновение – мгновенное и без размышлений. Это считалось наивысшей добродетелью.

Руководителем, душой и главным создателем СС был Генрих Гиммлер. Этот бывший школьный учитель стоял у колыбели СС еще тогда, когда СС – «шутцштаffel» – выполняла роль личной охраны Гитлера. Позже организация эта разрослась и стала отборной гитлеровской гвардией. Интересно отметить, что Гиммлер строил эту организацию по образцу иезуитского ордена; вся структура ее управления была сходна с церковной иерархией, а титул самого Гиммлера – рейхсфюрер СС – должен был соответствовать иезуитскому «генералу ордена». Видимо по тем же соображениям, Гиммлер облек руководящее положение вождя в мистическую оболочку, надеясь придать ему тем самым исключительную духовную власть. Да и высших руководителей СС он заставлял перед ответственными решениями выполнять особые ритуальные церемонии, цель которых якобы сводилась к абсолютному сосредоточению духа. Кстати, склонность Гиммлера к мистицизму проявлялась и в его поведении. (Он, например, любил говорить, что сам он перевоплощение императора Генриха II.)

Гейдрих был безусловно чужд какого бы то ни было мистицизма. Он понял «фюрерпринцип» по-своему и вполне прямолинейно. Этот принцип помог ему найти путь вперед и вверх. «Фюрерпринцип» распространялся не только на одного вождя, он действовал сверху донизу, на всех ступенях системы: каждому вождю подчинялся следующий вождь, на ранг ниже. А для Гейдриха все дело было во власти, она была для него превыше всего. Абсолютная преданность и повиновение вышестоящим давали ему возможность требовать того же от подчиненных и властвовать круто, беспощадно, неограниченно распоряжаться судьбами людей, их жизнью и смертью.

В то время Гиммлер был полицей-президентом Мюнхена – штаб-квартиры нацистской партии и подыскивал подходящую кандидатуру на пост начальника тайной полиции, которую он собирался создать. Узнав от Эберштейна, ходатайствовавшего за Гейдриха, что Гейдрих бывший офицер службы связи рейхсмарине, Гиммлер, отождествив в своем представлении службу связи с осведомительной службой, счел его подходящей фигурой для осуществления своих планов. Речь шла о создании особой службы безопасности СС, которая получила название «Зихерхайтсдинст» (СД). Если позднее организация СС считалась элитой нацистской партии, то СД была элитой СС.

Гиммлеровский проект создания СД, одобренный Гитлером, поначалу готовил Гейдрих. Он придал ему практический вид, разработав в целом и в деталях так, что СД со временем стала безотказным орудием господства Гитлера.

Секретная осведомительная служба, возглавляемая Гейдрихом, имела свои местные организации по всей Германии. А те в свою очередь насаждали своих так называемых «почетных агентов» во всех важнейших институтах – в партийном аппарате, в государственных органах, в промышленности, полиции, школах, театрах, газетах – словом, повсюду. Гейдрих очень заботился о том, чтобы у «почетных агентов» не создавалось впечатления, что они обычные доносчики; он не требовал от них примитивных доносов по методу гашековского Бретшнейдера. Гейдрих нуждался лишь в информации о том, что связано с их сферой деятельности. «Почетными агентами» сплошь и рядом были специалисты и руководящие работники. Они давали квалифицированные сведения об общественном мнении, о реакции отдельных слоев на правительственные декреты и распоряжения, о росте или падении популярности руководящих деятелей режима, об откликах на международные события и так далее. Информаторы, как правило, не сообщали об этом письменно; все, что они видели и слышали, «почетные агенты» рассказывали сотрудникам СД, которые, разумеется, имели обо всем более общее представление, им была известна взаимосвязь событий, и поэтому получали они от таких бесед гораздо больше, чем это казалось информаторам. Нетрудно себе представить, что именно таким методом Гейдрих и добывал не только для своего начальства, но и для себя самые полные сведения об образе мыслей, способностях и честолюбивых замыслах всех руководящих лиц, от которых зависел.

Из отдельных сведений в Центральном управлении СД составлялись регулярные еженедельные и ежемесячные докладные для Гиммлера и Гитлера. Мы прочитали десятки таких докладных СД и можем представить, какую они имели ценность. Кто помнит нацистскую пропаганду, тот может подтвердить, что никакая ложь не была для нее чрезмерной, она умела лихо искажать действительность, утаивать правду, либо выворачивать ее наизнанку. Ничего подобного мы не найдем в этих докладных СД, сделанных для чисто внутреннего пользования. В них не приукрашивается положение вещей, как в пропаганде, оценка действительности объективна, они прослеживают основные проблемы, предупреждают о таких явлениях, которые необходимо устранить.

Не было такой области общественной жизни, куда бы не проникала СД. Понимая важность результатов ее деятельности, ее незаменимость, Гитлер и Гиммлер со временем позволили этой незримой осведомительной службе стать не только над государством, но и над нацистской партией. СД имела право допрашивать и привлекать к следствию деятелей государственного и партийного аппарата. Всюду перед ней со страхом открывались двери, она видела все. Это была элита элиты.

СД, разумеется, прежде всего выслеживала и вынюхивала все, что было хотя бы малейшим проявлением или намеком на оппозицию, недовольство и сопротивление. Гейдрих, с самого начала отличившийся на «охранной и пропагандистской службе на собраниях во многих красных предместьях» Гамбурга, продолжал и теперь действовать на этом же поприще, хотя и несколько в ином плане. Подавление коммунистического движения было предпосылкой захвата власти нацистами, и оно постоянно оставалось их первейшей заботой. Само собой разумеется, что служба безопасности, во главе которой стоял Гейдрих, видела в этом одну из главных своих задач. Во всех его донесениях отводилось очень много места коммунистическому движению. Деятельность коммунистов, с точки зрения Гейдриха, представляет главную опасность. Он требует самым серьезным образом следить за всеми симпатизирующими им лицами, за их вспомогательными организациями. Каждое действие, направленное против коммунистов, он учитывает до мелочей и отмечает как особо ценное достижение. Но Гейдрих занимался и другими делами.

Когда Гитлер 30 июня 1934 г. расправился со своими недавними ближайшими помощниками, Гейдрих, несомненно, принадлежал к наиболее жестоким участникам этой кровавой мистерии нацистов, получившей название «Ночь длинных ножей». Среди сотен убитых был и

Эрнст Рем, начальник штаба СА («штурм абтайлунг» – штурмовые отряды) – главная жертва этой ночи. Вместе с ним погибли и все руководящие деятели этой организации.

Вряд ли можно было ждать от Гитлера иного приговора, но все же Рем был долгие годы его самым близким другом. Гитлер был обязан ему многим, почти всем. Рем создал организацию СА еще в начале борьбы Гитлера за власть, а без этой организации он бы не захватил власти. Рем – единственный человек в Германии, который был с Гитлером на «ты».

Но что когда-то было достоинством, то потом, с приходом к власти, стало недостатком. Прежде всего сами штурмовые отряды, насчитывавшие тогда два с половиной миллиона человек (охранные же отряды (СС) имели в ту пору 300 тысяч человек), стали в НОВОЙ ситуации балластом. Гитлер уже не нуждался в одичалых подростках и буянах, героях кулачных расправ, ему нужны были теперь точно действующий исполнительный аппарат и выдрессированная армия. В штурмовых отрядах, для которых уже не было прежнего применения, тлели к тому же очажки недовольства. Рем был единственным человеком, который своим влиянием и своей популярностью мог соперничать с Гитлером. Штурмовики поддерживали Гитлера, но считали своим вождем Рема и шли за ним. А тот увлекся планом объединения штурмовых отрядов с рейхсвером – хорошо организованной, в духе прусских традиций отлично обученной армией – и строил честолюбивые планы взять на себя руководство этими мощными силами.

Эрнст Рем среди членов СА.

Уничтожение руководителей штурмовых отрядов и других своих возможных конкурентов Гитлер целиком доверил эсэсовцам. Гейдрих совместно со своим штабом до мельчайших подробностей разработал практический план действий и составил списки намеченных жертв. Ночью отборные отряды эсэсовцев, черные мундиры которых сливались с мраком ночи, нагрянули по точно указанным адресам. Лишь у отдельных участников возникала догадка, что происходит нечто очень важное, но что именно, они узнали только на месте или даже после завершения операции, которую сами осуществляли. Удар был нанесен так неожиданно, что большинство намеченных жертв было захвачено в постели – о какой-либо мобилизации штурмовиков и их отпоре намного уступавшим им численно эсэсовцам не могло быть и речи.

Гейдрих, окруженный отборными стрелками, вполголоса отдавал приказания, выяснял обстановку, требовал донесений, а когда выезжал на места действия в своем бронированном автомобиле, к нему немедленно подводили все радиотелефонные нервы операции. К утру, пока никто толком ничего еще не понял, все было закончено. Гейдрих этой ночью действовал так жестоко, что даже многие выдавшие виды ветераны нацизма стали его бояться.

30 июня знаменовало значительное усиление СС внутри нацистской машины, что в свою очередь означало заметный рост влияния Гиммлера и Гейдриха. Это немаловажное обстоятельство свидетельствует о том, что Гиммлер и Гейдрих были не только исполнителями воли Гитлера, но чем-то гораздо большим – они были вдохновителями и закулисными зачинщиками кровавой расправы. Особенно Гейдрих, который всегда поставлял Гитлеру заслуживающие доверия донесения.

Гейдрих в своем кабинете. Мюнхен, 11 апреля 1934 г.

Имя Гейдриха было неизвестно широкой публике, но те, кому оно было знакомо, стали произносить его шепотом.

Очень трудно добыть фотографию Гейдриха тех лет – шеф секретной службы тщательно оберегал свое инкогнито. Многие из тех, кто с ним сталкивался, совершенно не представляли, с кем они имеют честь говорить. Если Гейдрих появлялся где-нибудь со свитой своих сотрудников, никому с первого взгляда, не приходило в голову, что главный среди этих людей – стройный, высокий блондин с асимметричным лицом и заметно косо посаженными глазами, державшийся очень и очень скромно. Некоторые даже принимали его за хорошо вышколенного адъютанта. Гейдрих был молод, пожалуй, моложе всех своих сотрудников – ему было тогда едва за тридцать!

Швейцарский историк Карл Буркхардт так описывает свою встречу с Гейдрихом на вечере в одном княжеском салоне. Как всегда, Гейдрих держался в стороне, вел себя сдержанно. Создавалось впечатление, что он, беседуя, все время думает о чем-то еще. Его холеные руки типичного белоручки лежали покойно, без единого движения. Он молча слушал собеседника и при этом внимательно вглядывался в него. Если же глаза их должны были встретиться,

Гейдрих переводил взгляд куда-то под лацкан пиджака: возникало впечатление, что он исследует содержимое находящегося там бумажника.

Когда Гейдрих произносил первые слова, каждого поражал его высокий глуховатый голос со странным произношением: он проглатывал гласные. Речь этого человека ни с какой стороны не соответствовала его фигуре и облику. Он редко говорил связно, чаще всего задавал короткие, конкретные вопросы. Задавал он их, казалось, без всякой логики, рассеянно, перескакивал с одной темы на другую, вплетая в разговор имена незнакомых людей. Даже тот, кто это заметил, лишь потом понимал, что за всей хаотичностью скрывается удивительное по своей архитектуре построение, определенный замысел, разделенный на несколько самостоятельных течений, взаимосвязь которых обнаруживается не сразу. В каждом случае Гейдрих достигал того, что сам он говорил мало, но задавал тон и определял содержание беседы, вызывал у партнера ощущение его второсортности, подчиненности. Несомненно, что и свое поведение и манеру держаться Гейдрих заранее тщательно продумывал, как продумывал все, что он делал. Впрочем, не все, ибо бывали и такие минуты, когда он вел себя неровно и чувствовалась его уязвимость.

Самым важным для Гейдриха – и на этом основывалась и укреплялась его власть – было: всегда знать обо всем больше, чем остальные, и о каждом знать больше, чем о нем кому бы то ни было известно. Гейдрих обдуманно использовал возможности, которые ему предоставляла его служба безопасности. Он приложил немало усилий и времени к тому, чтобы узнать о различных лицах, которые играли или могли играть определенную роль, нечто такое, что ими скрывалось. Ему было безразлично, касалось ли это политических дел, общественной деятельности или самой интимной частной жизни. Он действовал настойчиво до тех пор, пока не добивался своего. Тайком от всех Гейдрих собирал всякого рода материалы даже о Геббельсе, Геринге, Розенберге, Гессе, Гиммлере и о самом Гитлере. Шеф СД был терпелив, мог годами ждать подходящего момента, чтобы дать понять тому или другому лицу, что располагает о нем кое-какими сведениями и может, если понадобится, вынуть из своего сейфа компрометирующий документ. Точно так же поступал Гейдрих и со своими сотрудниками, и с действительными и возможными соперниками. В запутанном лабиринте нацистской верхушки, полной интриг, соперничества и взаимоскрещивающихся амбиций, глава секретной службы безопасности завоевал себе репутацию опасного человека, с которым лучше не связываться.

Как далеко в своих интригах заходил шеф службы безопасности, показывает нам история с Вальтером Шелленбергом, одним из руководящих деятелей этой службы, в то время подчиненным Гейдриха. Шелленбергу постоянно сопутствовал успех в работе, и Гейдрих тщетно искал какую-нибудь зацепку в его прошлом. Ни мелкие ловушки, ни повседневные интриги не могли заставить Шелленберга почувствовать себя слабым, допустить ошибку, которой мог бы воспользоваться его шеф. Следует сказать, что Гейдрих вовсе не собирался уничтожить Шелленберга, отнюдь нет, – речь шла лишь о том, чтобы подчинить его себе.

Человек образованный, с широким кругозором, Шелленберг импонировал госпоже Гейдрих. Будучи честолюбивой женщиной, она не могла простить своему мужу его недостаточную культурность и постоянно заставляла его посещать театры, литературные вечера и тому подобное. Но у Гейдриха для этого было слишком мало времени и желания. Госпожа Гейдрих и в самом деле тосковала по светской жизни, придворному блеску: где, как не там, можно было продемонстрировать новые туалеты, поболтать. Бесплодные упражнения в остроумии были для нее не просто забавой от скуки. Они ей казались светской обязанностью, хорошим тоном. И не случайно ее выбор пал на Шелленберга. Она устраивала так, что его часто приглашали к ним в дом, он сопровождал ее во время визитов, был ее спутником на вечерах. Взаимные симпатии госпожи Гейдрих и господина Шелленберга не вызывали сомнений.

Однако Гейдрих принимал это к сведению с милой естественностью.

Так продолжалось довольно продолжительное время, пока, наконец, Гейдрих не перешел в наступление. Произошло это после конференции руководящих сотрудников осведомительной службы, состоявшейся на острове Фемарн, в Балтийском море, где у Гейдриха была летняя резиденция. С Шелленбергом он заранее условился, что тот после совещания проведет свободный день в их семейном кругу. Они будут играть в бридж и вести разговор о литературе и искусстве.

Однако, когда совещание закончилось, Гейдрих, сославшись на срочные служебные дела, тут же улетел в Берлин. А Шелленберга, разумеется, никто никуда не вызывал. Так Гейдрих создал Шелленбергу и своей жене идеальные условия для любовной авантюры, предоставив в их распоряжение свою виллу.

Примерно через неделю Гейдрих пригласил Шелленберга в один из берлинских баров, находившихся под надзором службы безопасности. Едва они осушили первый бокал, Гейдрих заявил:

– Вы выпили сейчас яд. Вы немедленно получите противоядие, которое вас спасет, если скажете мне всю правду о том, что произошло между вами и моей женой. В вашем распоряжении меньше часа, затем начнет действовать яд. Но чистую правду. Вам, вероятно, ясно, что я принял необходимые меры, чтобы быть уверенным, утаиваете ли вы что-нибудь или лжете. Любая ложь будет стоить вам жизни.

Подобная сцена, вероятно, скорее могла бы произойти в среде чикагских гангстеров, но в данном случае ясно одно: Гейдрих, не колеблясь, готов был пожертвовать репутацией собственной жены, лишь бы подловить Шелленберга!..

Спустя несколько лет Шелленберг все же попался. Это было связано с его второй женитьбой. Как и каждый эсэсовец, он должен был получить разрешение на брак. Будущая супруга подлежала тщательному изучению и утверждению особого расового отдела ведомства Гимmlера. Ведь члены таких привилегированных организаций, предназначенные для самой высокой деятельности, должны были быть ограждены от самой возможности допустить ошибку на супружеском ложе; их потомство должно быть не иначе как только самой «чистой» расы. Это было одним из правил, за соблюдением которого строго следил лично Гимmlер, хотя его самого никак нельзя было отнести к германскому или нордическому типу. Готовя сведения о предках своей будущей жены, Шелленберг выяснил, что мать ее – польского происхождения. Это было плохо, даже очень плохо. Поляки, согласно извращенным нацистским схемам, считались низшей расой. Назревала катастрофа, брак мог не состояться.

В отчаянии и замешательстве Шелленберг попросил Гейдриха поговорить с Гимmlером и попытаться убедить его изменить ожидаемое им отрицательное решение. Гейдрих не только пообещал, но и в самом деле стал действовать с неожиданной энергией и быстротой. Через четыре дня (разбирательство обычно продолжалось не менее четырех недель, да и четыре месяца были не исключением) Гейдрих, сердечно пожелав счастья Шелленбергу, вручил ему разрешение расового отдела на брак.

Но едва лишь закончился медовый месяц, шеф дал понять Шелленбергу, почему он так охотно пошел ему навстречу. Вместе с другими документами секретарь подал счастливому супругу папку с надписью: «Секретно». А в папке лежала копия донесения тайной полиции о проживавшей в Польше семье новой супруги Шелленберга. Каждый из родственников был перебран по косточкам, всевидящее полицейское око узрело у многих из них недостатки политического и национального характера, и в заключение как предостережение был приведен установленный факт, до сих пор никому из супругов не известный, что одна из родственниц замужем за человеком еврейского происхождения. Этого факта, как знал Шелленберг, было вполне достаточно не только для немедленного смещения его с высокой должности, но и для увольнения из СС, а, появившись в том необходимость, то и для принятия последующих самых строгих мер.

К копии донесения, помеченного «Для доклада», не было приложено ни какого-либо решения, ни предложения, не сопровождалась она также ни комментариями, ни требованиями объяснений. Лишь в конце уведомления, как удар бича, значилась фраза: «Оригинал находится у начальника СД». У Гейдриха.

Было бы ошибочно думать, что с этой поры Гейдрих стал выказывать Шелленбергу свое недовольство или неприязнь, что он стал доверять ему лишь второстепенные задания и постепенно отстранил его от важнейших секретных дел. Гейдрих и после этой истории никогда ни на людях не показывал какой бы то ни было перемены, ни в личных разговорах ни единым словом, ни намеком не коснулся этого. Напротив, дружеские связи между обеими семьями еще более укрепились. Гейдрих явно покровительствовал ему и даже был инициатором быстрого продвижения своего подчиненного по службе.

Дело в том, что Гейдрих вовсе не хотел устранять Шелленберга. Но он хотел дать своему подчиненному понять, что может, хотя до поры до времени и не хочет, уничтожить его.

Представители гитлеровского режима изображены в некоторых фильмах и книгах как истеричные, полусумасшедшие субъекты, которые обсуждают и решают важнейшие дела по настроению и внезапному озарению, как бездарные люди, деятельность которых – это лишь цепь грубых насилий. Видимо, некоторые из них к концу нацистского господства действительно стали такими, но не они были основой и движущей силой гитлеровского режима. Как же иначе он мог бы удерживаться у власти без малого 13 лет, овладеть почти всей Европой?

Гейдрих – представитель того типа людей, на которых опирался нацистский режим. Возглавляя аппарат, который он сам создал, Гейдрих был способен выполнять и выполнял самые разнообразные задачи. Вызывающие ужас замыслы, фантазмагорические планы и вожеления Гитлера, от которых стынет кровь, становились еще более ужасными и фантазмагоричными потому, что их методически точно и планомерно осуществляли. Одним из главных исполнителей был Гейдрих, воплощавший эти планы в ряд практических мероприятий, разрабатывавший их организационно и контролировавший их точное и в намеченный срок выполнение. Гитлер мог на него положиться полностью, и чем больше его планы направлялись на агрессию, на захват других территорий и народов, тем больше он пользовался секретной службой. Все захватнические походы годами скрытно готовились ее невидимыми центрами и агентурой. Задолго до того, как что-либо становилось известно дипломатам, и раньше, чем была выплавлена сталь для оружия, будущему наступлению гитлеровских армий прокладывали путь разведчики, заговорщики и закулисные интриганы.

Гейдрих чувствовал себя здесь в своей стихии. Его восхождение началось с основания секретной службы СС и продолжалось по мере того, как возрастал удельный вес органов безопасности по сравнению с другими органами внутри нацистской машины и как возрастала их незаменимость, вызванная экспансией и агрессивными планами Третьего рейха. Гейдриху было немногим более тридцати лет, когда он после утвержденной Гитлером реорганизации службы безопасности стал шефом всей системы службы безопасности и полиции Германии. Его назначили шефом полиции безопасности и СД, с началом войны объединенных в Главное управление имперской безопасности (РСХА) – центр, которому было подчинено все: и гестапо – тайная государственная полиция, и крипо – уголовная полиция, и другие службы, сотрудники которых либо носили форму, либо ходили в штатском, и, конечно, СД, которая и впоследствии играла первостепенную роль. Вообще же Гейдрих был самым молодым деятелем такого сорта.

Мог ли еще недавно об этом мечтать морской кадет, а затем заурядный лейтенант, вскоре с позором изгнанный из флота?

Его головокружительное восхождение было продуктом политической обстановки, сложившейся тогда в Германии. Найти себе применение в условиях нормального общества Гейдриху было бы не так-то просто при его весьма средних способностях. Но как раз такие люди и подходили, отвечали требованиям нацистского движения. Сама атмосфера нацизма, его пре-

тензии и политическая практика пробуждали и буйно взращивали в таких людях зачатки извращенности, гнездившиеся в темных уголках их души. Положение в обществе, которого достигали представители нацизма, было в известном смысле обратно пропорционально действительной значимости их личности. Развитие их шло как бы в обратном направлении, к «антиличности». Гейдрих, вступление которого на стезю секретной службы нацистской партии, выходящую за пределы норм человечности, было таким успешным, не имел никаких оснований предполагать, что все должно или могло бы происходить иначе. Гейдрих как личность сформировался и выдвинулся в условиях, когда, имея власть, можно было подавить любое сопротивление, любого противника бросить за решетку, сразить интригой, сломить кознями. И естественно, что он уверовал во всемогущество тайных методов и средств и выработал в себе высокомерное отношение, пренебрежение к простым, порядочным людям. То, как он рассматривал со своей точки зрения близкое ему окружение и мир в целом, давало ему право предполагать, что именно таким способом и «делается история». И он претендовал на то, чтобы делать историю, и старался ее делать. Гейдрих, ко всеобщему несчастью, вознесся к вершинам власти в пору, когда ему самому и ему подобным немецкий народ преподал слишком мало уроков того, как глубоко и коренным образом они заблуждаются.

Вот как этот человек «работал».

Во время одной из своих вылазок в берлинские бары, когда он наблюдал ночную жизнь, у него в голове зародился план, который вскоре был осуществлен под названием «Салон Китти».

Речь шла о том, что служба безопасности организует такое «заведение», куда можно будет пригласить иностранных гостей – дипломатов, военных, журналистов, предпринимателей, которые, как правило, «работают» одновременно на несколько иностранных осведомительных служб. В интимной обстановке им безусловно не будет чужда мысль о соблазнительном дамском обществе. И в этом им действительно не будет отказано, в расчете на то, что они станут покладистее и обязательно выболтают какие-нибудь полезные сведения и секреты.

Идея была осуществлена с присущей Гейдриху деловитостью. При посредничестве ничего не подозревавшего предпринимателя служба безопасности сняла большой дом в благоустроенной части Берлина. Архитекторы переоборудовали его, снабдив двойными стенами, чтобы можно было между ними установить микрофоны и аппаратуру, которая записывала бы каждое произнесенное в доме слово. «Хозяек дома» завербовал (тут Гейдрих использовал то обстоятельство, что ему подчинялась вся служба безопасности и полиция Германии) шеф уголовной полиции Артур Небе, которому благодаря долголетней практике были хорошо известны обительницы многих публичных домов. Из больших европейских городов он вызвал владеющих языками и обладающих иными «знаниями» дам полусвета, дабы они могли служить здесь своим «особым» способом интересам Третьего рейха.

Вальтер Шелленберг, рассказывая в своих воспоминаниях о «Салоне Китти», замечает, что даже многие дамы из высших слоев нацистского общества были отнюдь не против послужить своему фатерлянду на этом поприще.

Гейдрих не ошибся в своих расчетах уже потому, что он выбирал жертвы среди людей, себе подобных. Благодаря «Салону Китти» он добыл немало ценной информации и завербовал полезных для себя лиц. Среди первых, кто попался на подобную удочку, оказался итальянский министр иностранных дел граф Чиано, член правящего семейства, супруг дочери Муссолини.

Можем себе представить, как это сумел использовать Гейдрих, и не только для себя лично, но и для интриг против Нейрата, тогдашнего министра иностранных дел Германии и предшественника Гейдриха на посту пражского протектора. Нейрат, естественно, не мог знать многого из того, что знал Гейдрих.

Мы приводим эти факты не потому, что они самые важные в деятельности Гейдриха. Они свидетельствуют лишь о том, что он не останавливался ни перед чем, не брезговал никакими средствами, был способен на все. И это также было его преимуществом. Обладая подобным качеством, он находил ему применение в иных, более значительных и опасных операциях.

Если мы проследим печальную историю крушения Чехословацкой республики, мы и здесь обнаружим руку Гейдриха. Конечно, судетское движение выдумал не Гейдрих. Другие позаботились о том, чтобы разжечь это движение до бешеного неистовства в расчете на потерявшую стыд и совесть чешскую буржуазию, на ее сговорчивость и капитулянтство. Однако именно Гейдрих постарался, чтобы германский шпионаж основал на территории Чехословацкой республики мощную базу, разросшуюся со временем до размеров, не имевших, вероятно, себе равных. Накануне мюнхенского диктата для обеспечения передачи материала, поступающего от членов судето-немецкой партии и нацистских агентов, в двух местах чешско-немецкой границы были тайно смонтированы две весьма оживленно действующие телеграфные линии, ведущие в Берлин.

Гейдрих создал также в своем центре специальное отделение, которому поручено было контролировать руководство генлейновской судето-немецкой партии (СДП) и направлять ее действия согласно понятиям и планам Гитлера. Особенно важно было сделать невозможной какую бы то ни было попытку к примирительному, компромиссному решению между Генлейном и Прагой, потому что Гитлера не устраивали ни демагогически провозглашенное «право на самоопределение» для немецкого национального меньшинства, ни предложенный проект автономии, который в какой-то период был относительно доброжелательно принят некоторыми деятелями судето-немецкой партии. И когда Генлейн вел переговоры об этом проекте с доверенным лицом британской секретной службы в Швейцарии, в переговоры с угрозами вмешались агенты Гейдриха, и это предопределило провал переговоров.

Нацистский Берлин домогался отторжения пограничных земель от республики и присоединения их к Германии. Он хотел расчленив Чехословацкую республику и овладеть ее территорией. Тут сыграла свою роль не только пропагандистская шумиха, не только разветвленный шпионаж, но и прямые провокации и насилие. Секретная служба Гейдриха приняла активное участие в создании террористической организации «Фрайкор» («Корпус свободы») – своего рода судетского филиала СС, апогеем деятельности которого были зверские погромы в чешском пограничье осенью 1938 г. Не случайно многие участники «Фрайкора» перешли затем на службу в СС, где заняли достаточно высокие посты, как, например, К. Г. Франк.

Судето-немецкая партия была, разумеется, удобным инструментом гитлеровской политики и сослужила ей неоценимую службу. Характерно, что наблюдение и контроль над выполнением такого рода заданий были доверены самому надежному преторианцу гитлеровского двора – Гейдриху.

Решение Гитлера гласило: сокрушить республику любой ценой, а если потребуется, то и вооруженным вторжением. На этот случай секретная служба готовила несколько вариантов провокаций, которые должны были послужить непосредственным поводом для военных действий. Один из таких вариантов, например, предусматривал покушение на жизнь германского посла в Праге Эйзенлора, разумеется, без трагического исхода.

Гитлер, конечно, с большим удовольствием использовал бы другую возможность: расчленение республики без вооруженного вмешательства извне, поскольку Германия в то время – и это исторический факт, который особенно красноречиво подчеркивает капитулянтскую позицию правящих кругов Чехословакии, – не была достаточно подготовлена к войне. Германская

секретная служба прилагала немало усилий к тому, чтобы поддержать сепаратистские тенденции словацких националистов. Далеко не всем известно, что агенты РСХА после неудачных попыток договориться с другими лицами достигли наконец соглашения с д-ром Йозефом Тисо. А по окончании конференции, на которой Тисо подтвердил, что готов объявить суверенитет Словакии под покровительством Германии, он в ночь на 12 марта 1939 г. улетел в Берлин на специальном самолете шпионского центра Гейдриха. В то же время из Берлина в обратном направлении летели самолеты с отрядами хорошо обученных провокаторов. В их задачу входило использовать уже давно разжигаемые в Словакии шовинистические настроения, вызвать античешскую шумиху и выступления против государственного объединения чехов и словаков. 14 марта Тисо провозгласил так называемое словацкое государство, а 15 марта были оккупированы чешские земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.